

Станислав РОМАНОВСКИЙ

ТАЙНА ПИСЕМ ЕСЕНИНА

Инструктор Барышского райкома комсомола Геннадий Ларин рассказывал про трудную командировку, про то, как он отстал от тракторных саней, как ждал, что завоют волки, как луна пылала на снегу, про Млечный Путь.

– Это совсем по-есенински: «Луна пылала на снегу».

Геннадий загадочно посмотрел на меня:

– Завтра я вам принесу подлинные письма Сергея Есенина, нигде не публиковавшиеся.

Я поверил только на другой день, когда Геннадий среди телефонных звонков буднично протянул мне несколько потёртых бумаг. Почерк Есенина не спутаешь с другим: как родинки, круглые, вязевые буквы, свободно поставленные слова... Я враз вспотел – передо мной ценные историко-литературные документы – неизвестные письма большого русского поэта. Но на всякий случай равнодушно – с плохо скрываемой хрипотцой волнения – сказал я:

– Это подделка... Есенин никогда в Барыше не был.

Версию о подделке я отбросил после того, как это письмо совершило со мной путешествие в областной центр, где пришлось прибегнуть к услугам криминалистов. В НТО (так называется научно-технический отдел милиции) после тщательного исследования установили: Барышская находка (позволив себе так называть эти письма) – есенинский подлинник. Можно написать увлекательную книгу о работе НТО, о том, как фотокопии рукописей поэта пристрастно сравнивались с текстом из Барыша, как определялся возраст бумаги и т. д., но перед нами стоит другая задача – выяснить судьбу и содержание есенинских писем.

Как письма попали в Барыш?

Учился в Куйбышевском механическом техникуме Сергей Ларин, брат нашего знакомого Геннадия. Ларин жил на частной квартире у своего однокурсника Владимира Пашина. Половину кухни занимал сундук, потемневший от времени, окованный железом. Иногда хозяйка квартиры Елена Иосифовна Пашина откидывала тяжёлую «музицирующую» крышку сундука, и Сергей видел, что он набит старыми бумагами и что хозяйка потихоньку растапливает ими печку-голландку. Неизвестно, как долго хватило бы «топлива» Елене Иосифовне, если бы однажды Сергей не поинтересовался, что за бумаги в сундуке. Какие-то письма: стихи, переписанные от руки; программы литературных вечеров с «ерями» и «ятями». Где-то он видел этот почерк – с круглыми, как жемчужинки, буквами. На полуобгоревшем клочке бумаги он разглядел выцветшую чёткую подпись: Сергей Есенин.

– Тётя Лена, пожалуйста, не жгите бумаги, – сказал Сергей таким голосом, что Елена Иосифовна вздрогнула и спросила: «А что случилось?»

Сергей и Володя по листку перебрали содержимое сундука. В старых книгах они обнаружили

около трёхсот ценнейших литературных документов, среди которых письма Есенина и его друзей. 300 документов! А сколько их погибло в печном пламени?

Аккуратно завернув находку в свежий номер «Комсомолки», ребята отнесли рукописи в краеведческий музей. Комсомольцы были уверены, что их приход обрадует сотрудников музея. Однако им не очень любезно предложили прийти в следующий раз. А потом на квартире ребят навестил гладкий лысеющий мужчина, назвавшийся Петром Ивановичем Суслиным, сотрудником музея. Он долго и возвышенно говорил о комсомольском долге и, пообещав похлопотать насчёт улучшения жилищных условий (Пашины жили в подвале), забрал рукописи. На прощанье он сказал Владимиру:

– Твой покойный отец был военным. А на досуге любил заниматься сочинительством. Я постараюсь опубликовать его сочинения. Может быть, он был великим непризнанным писателем.

– Представительный мужчина, – сказала Елена Иосифовна.

В душе Сергея шевельнулось недоверие к «представительному мужчине». И когда Суслин копался в рукописях, юноша несколько писем Есенина незаметно спрятал под матрац. «Кто его знает, что он за человек – этот краснобай. Присвоит находку – и дело с концом».

Вскоре выяснилось, что Суслин стал публиковать рукописи Есенина «из личного архива», и товарищи по работе – сотрудники музея – привлекают его за это к судебной ответственности.

Возмущённый случившимся, Сергей написал гневное письмо в одну из столичных газет. Спустя некоторое время он по распределению уехал в Барыш, где стал работать инженером на механическом заводе. Куйбышевская история стала потихоньку забываться. Только долгими зимними вечерами, когда метели заводили весёлые прятки, он доставал синие корочки диплома, в которых хранились есенинские рукописи, и вглядывался в ясную вязь строк. Когда были написаны эти письма? Как они попали в ветхий сундук подвала на Садовой улице? Куда Суслин дел рукописи?

Всеми этими вопросами Сергей поделился со мной после того, как рассказал историю необычной находки.

– Вы хотите поехать в Куйбышев? Напрасно. Эта история произошла пять лет назад. Вряд ли найдёте там что-либо подходящее. Сундук пуст. Всё выгреб Суслин. И всё-таки желаю удачи.

Сергей погладил пачку бумаг – барышскую находку – и вдруг решительно протянул её мне:

– Берите! – он проводил меня на крыльцо и, смущённо выслушивая слова благодарности, заметил, как бы оправдываясь:

– Такие, как Суслин, – одиночки. А эти рукописи помогут вам разгадать тайну писем Есенина.

Я в заснеженном бесконечном Куйбышеве. Первый визит – в краеведческий музей, что расположен в высокой кирпичной церкви. Да, история с Суслиным стала потихоньку забываться: в деталях её никто не помнит, старые работники разъехались, в коллектив пришло много новых сотрудников.

У заведующей фондами музея Марии Максимовны Любавиной мне удалось выяснить, что Суслин действительно привлекался к судебной ответственности за присвоение есенинских материалов и что часть из них он вернул в музей. В «фондах» – обширном подвале, заставленном рыцарскими латами, пыльными фолиантами и австрийскими пулемётами на треногах, мне показали часть документов, переданных Суслиным коллективу. Плотная бумага ровно, как пшеничными зёрнами пахота, засеянная чёткими есенинскими буквами...

– Они уже напечатаны в пятитомнике Есенина, – пояснила Мария Максимовна.

Все ли документы Суслин вернул государству? Это мне уточнить не удалось: прокурор, который вёл дело Петра Ивановича, умер, само дело затерялось в «марракотовых безднах» архива. А сам похититель? В городском адресном бюро сообщили, что Суслин живёт в одном из совхозов области, куда проехать не было никакой возможности: моя командировка совпала с полосой невиданных заносов и буранов. В эти дни коллектив областной молодёжной газеты хоронил шофёра, который трагически погиб в многочасовом единоборстве с кромешной пургой, замёрзнув за баранкой...

Город на несколько дней был буквально блокирован снегами, только жилы железных дорог связывали его с окружающим миром. О том, чтобы проникнуть в отдалённые от железнодорожной ветки уголки области, не приходилось и мечтать.

Станислав Романовский

Просматривая старые подшивки областных газет, я натолкнулся на сообщение о том, что в Куйбышеве найден архив Ширяевца и Есенина – свыше 200 документов. Значит, основной костяк литературногоклада попал в надёжные руки государства. Но все ли письма попали в эти добрые ладони? Ведь встречу с Суслиным пришлось отложить до лучших времён. Да и вряд ли что полезного дала бы эта встреча...

Мне было в пору уезжать из Куйбышева. Осталась только квартира Пашиных на Садовой улице, где в таинственном сундуке были найдены заветные бумаги.

В подвальной прихожей, которая одновременно служила и кухней, я сразу обратил внимание на великанский сундук, застланный клеёнкой. Я обратился ему, как старому знакомому, потому что

по рассказам Ларина до трещинки, до железного рисунка представлял его.

– Здравствуй, сундук, – сказал я тихонько. – Все говорят, что ты пуст. Может быть, врут, а, сундучина?

А потом я познакомился с Еленой Иосифовной и Владимиром Пашиным.

Владимир – инженер, Елена Иосифовна – повар детского сада. Они произвели впечатление немногословных стеснительных собеседников. О «сундучной находке» почему-то вспоминали крайне неохотно. Отчасти причину этой стеснительности и нелюбви к воспоминаниям я отнёс за счёт того, что Елена Иосифовна не может себе простить прежней наивности, с которой она пускала на растопку рукописные реликвии, в чём эта женщина, впрочем, так и не призналась мне. Отчасти эта сдержанность, на мой взгляд, вызвана тем, что на Пашиных тяжёлое впечатление произвели вызовы в суд по делу Суслина.

И всё-таки мы разговорились. Пусть не сразу. Несколько раз бывал я у Пашиных. Мне надо было узнать во что бы то ни стало, кому принадлежало сундучное богатство. Постепенно мои новые знакомые стали более разговорчивыми. Выяснилось, что сундук – фамильная ценность – принадлежал покойным бабушке и дедушке Владимира (по отцовской линии) – Серафиме Алексеевне и Михаилу Петровичу Пашиным. Оба они умерли лет семь назад. В годы своего девичества Серафима Алексеевна, по обычаю невест своего круга (она происходила из состоятельной мещанской семьи), хранила в сундуке приданое.

Когда Серафима Алексеевна вышла замуж за железнодорожного служащего Михаила Петровича (это произошло задолго до революции), сундук стал семейным книгохранилищем. С Есениным и его друзьями старики Пашины, по-видимому, никогда не были знакомы.

Вот и всё, что смогли рассказать мои немногословные собеседники.

Выяснилось, что в Куйбышеве живут и здравствуют родные дети старика Пашина – Вера Михайловна (пенсионерка) и Лев Михайлович (вузовский преподаватель английского языка). Может быть, они помогут пролить свет на загадочную историю с автографами поэта?

В тесной комнате Веры Михайловны, что на улице Красноармейской, мы шаг за шагом прослеживаем жизнь стариков Пашиных. Хозяйка комнаты отчётливо помнит своё детство, сосновый дом в бору под Самарой, литературные вечера, душой которых была мама – Серафима Алексеевна и на которые приезжали безвестные литераторы из города. Вскрабавшись на спину маминного сундука, дети слушали, как взрослые с увлажнёнными глазами читают стихи.

– А что было в сундуке?

– Мамины платья. Перламутровый веер. Замшевые перчатки с длинными запястьями. Морские раковины с шумом моря. В общем, много любопытного... В голодные годы всё это было продано. И в сундуке поселились книги. Вы спрашиваете, был ли папа знаком с Есениным? Никогда. С поэтом Ширяевцем? Нет, я даже фамилии такой не слышала...

Ах, настоящая фамилия – Абрамов Александр Васильевич? Абрамов... Абрамов... Нет, человек с такой фамилией ни разу не был в нашей семье. Рукописи? Автографы поэта Есенина? Папа никогда не говорил про них. Правда, особенно после смерти мамы, он очень ревниво следил за тем, чтобы домашние не лазили в его сундук. Об есенинском архиве, обнаруженном в мамином сундуке, я узнала совсем недавно. Часть папиных бумаг вместе с его сберкнижкой хранилась у меня. Здесь, на Красноармейской. Между прочим, как-то мы с Лёвой разобрали всю толстенную папку папиных бумаг и всё ненужное сожгли... Что сожгли? Были там какие-то письма, открытки, стихи. Старые, с «ерями» и «ятями». Мы всё старёе сожгли, не читая. Оставили только папины фотографии. Вот, посмотрите...

Я грустно рассматривал семейные фотографии и думал о том, что у парового отопления есть ещё одно преимущество перед печным – оно освобождает человека от кровожадного желания сжигать всё, начиная от вчерашней футбольной программы и кончая автографами поэта, которым нет цены...

Ни родные, ни старейшие сослуживцы Пашина, ни служащие Куйбышевской железной дороги, с которыми я встречался, не могли объяснить, как литературные ценности попали к покойному. Ни с Есениным, ни с Ширяевцем он никогда не был знаком – утверждали они в один голос. Может быть, остались письменные свидетельства Михаила Петровича? Нет. Они до листочка сгорели в подтопке вместе с берёзовыми чурками и с драгоценнейшими есенинскими документами...

Тайна сундука по улице Садовой осталась неразгаданной. Может быть, такой она останется навсегда.

Перед отъездом я всё-таки набрался смелости и попросил разрешения у Пашиных заглянуть в обетованный сундук. Владимир с трудом откинул пудовую крышку, скрипящую в петлях, как железные ворота рыцарского замка. Запахло гнилой бумагой. Я истоиво и зорко листал старинные книги по домоводству и службе пути; неповторимые в своей угловатой броскости книги 20-х годов; более сдержанные по оформлению издания тридцатых...

– Мартышкин труд, – меня жалеючи сказал Владимир.

Я чуть не закричал от радости, когда за супербложкой обнаружил новое письмо Есенина. Но Владимир с ужасающей логичностью доказал мне, что передо мной – записка его подруги из недавних школьных лет. Чихая от пыли, я наконец-то добрался до сундучного дна. Ничего. Чисто поработали мои предшественники. И тут только я обратил внимание на то обстоятельство, что у левой стенки приклеено деревянное отделение в форме пенала. В таких пеналах дореволюционные невесты хранили пуговицы, напёрстки и прочую необходимую мелочь. Я провёл рукой по пенальному дну, по стенкам и у ближайшего торца обнаружил рвущуюся от ветхости бумагу, застрявшую в щели. Я извлёк её на свет и не удивился, прочитав подпись под удивительно знакомыми бусинками слов: «С. Есенин».

Читатель спросит: «Что за письма были в барышской находке?» Прежде чем приводить их

содержание, замечу: все они адресованы нашему земляку, волжанину, поэту Александру Васильевичу Абрамову (литературный псевдоним – Ширяевец). Судя по почтовым штемпелям, сохранившимся на двух письмах-открытках, они написаны в 1918 году. Правда, на марках – двуглавые гербовые орлы, но специалисты-литературоведы, искушённые в историко-литературных тонкостях, знают, что первое время после Великой Октябрьской революции в ходу были старые – с царскими атрибутами – марки, открытки, конверты и т. д. Письма отправлены по одному адресу: Ташкент, Новая, 56, А.В. Абрамову. (До 1922 года Ширяевец работал на телеграфе в Ташкенте). Вот эти письма:

«Дорогой Шура!

Очень хотелось приехать к тебе под твоё бирюзовое небо, но за неимением времени и из-за покачнувшегося здоровья пришлось отложить.

Очень мне надо обо многом с тобой поговорить или списаться.

Сейчас я уезжаю домой и оттуда напишу тебе обстоятельно. Но впредь ты меня предупреди, получишь ли эту открытку.

С. ЕСЕНИНУ. Твой Сергей

Кузьминское почтовое отделение. Село Константиново Рязанской губернии».

*Есенин
Сергей Александрович*

Эта короткая весточка отправлена, по-видимому, в июле 1918 года. А вот второе письмо, написанное накануне 1919 года:

*«Дорогой мой Шура!
Прости, пожалуйста, за молчание. Все дела житейские мучают. А как освободишься, так и липнешь к памяти о друзьях, как к мёду.*

Сейчас сидит у меня

П. Орешин, кланяется тебе и просит стихов для одного сборника.

А главное, что я хочу сказать тебе: собери все свои стихи, пошли Разумнику. Он издаст твою книгу. Об условиях я уже договорился, и ты получишь за 80 страниц не менее 7 тысяч рублей.

Это, родной, не слова, поэтому я поторопил бы тебя. Скоро выходит наш сборник «Поэты революции», где есть несколько и твоих стихов. Гонорар получишь по выходу.

Пиши, родной, мне, не забывай. Ведь издав тебе очень много надо, а я кой в чём приложусь.

Твой Сергей. Литейный, 53, кв. 11.

Стихов! Ради бога Разумнику стихов! Бери заповку и всё, что можешь».

А вот строки, дату написания которых установить не удалось: конверт не сохранился, остался только линованный листочек из школьной тетради:

«Милый Шура!

Помоги устроиться и приюти ночевать моих хороших знакомых.

Они расскажут тебе обо всём, о чём не имею времени передать тебе письменно.

Во многом они пригодятся тебе сами. Если вздумаешь выбираться из Ташкента, то с ними тебе будет легче.

Жизни нашей ты можешь не пугаться. Заработать мы тебе всегда поможем.

На днях сдаю в набор твою книгу. В ней всего около 48 страниц. Тысяч 7 ты за неё получишь.

Деньги переведу, как только будут принимать по телеграфу.

Очень бы хотел написать тебе много-много, но совершенно нет времени.

Прости, родной. Любящий тебя

Сергей ЕСЕНИН»

Александр Ширяевец

Сохранилась печатная программа литературного вечера 25 октября 1915 года, организованного группой литераторов – Сергеем Есениным, Сергеем Городецким, Николаем Клюевым, Алексеем Ремизовым и другими. Текст программы выдержан в стилизованно старорусском стиле, изобилующем диалектизмами («прибаски», «ливенка», «с малым погребцом ногтевым» и т.д.). На оборотной стороне программы приписка Есенина:

«Большую афишу, которую выставили на улицах, пришлю, как найду. Очень было баско и броско!»

Обнаружено письмо ныне здравствующего поэта Сергея Городецкого, направленное неизвестному адресату. Оно начинается так: «Есенин и Клюев меня предали...» Кроме того, в барышской находке есть подлинники стихов Ширяевца.

Все они ждут кропотливейшего и эрудированного исследователя.

Но и читатель, неискущённый в литературе, после знакомства с приведёнными письмами может сделать вывод: как далёк живой не оклеветанный мещанами Есенин от того богемного расхристанного хулигана и пьяницы, который выведен Мариенгофом в «Романе без вранья». Обыватель любит изображать поэта бездумным прожигателем жизни, смакуя несуществующие скандальные подробности, приписывая автору «Персидских мотивов» и «Анны Снегиной» хулиганские стихи вроде «Исповеди проститутки».

Нет, поэт, над чьими стихами плакал Горький, чьи песни пели итальянские партизаны, борясь с ордами дуче и фюрера, был другим. Ещё раз вчитайтесь в письма Ширяевцу. Их мог написать только такой человек, что безоглядно увлечён поэзией, что привык ценить время на вес золота. Их мог написать только очень сердечный, внимательный человек. С какой трогательностью заботится он о

провинциальном авторе: невзирая на кошмарную занятость, устраивает его литературные дела. И зная о тяжёлом материальном положении товарища, с которым он ещё не встречался ни разу, добровольно возлагает на себя обязанности его «денежного курьера».

В этих строчках, приоткрывающих крохотный уголок есенинской души, узнаёшь автора стихов о людях, похожих на цветы, о нежной девушке в белом, о золотой листве, с замиранием летящей на звезду. В них узнаёшь поэта, который во всём живущем подчёркивал хрупкость, ранимость, обезоруживающую нежность и во имя этой нежности призывал быть негрубым и душевным.

Я не ставлю себе целью дать сколько-нибудь всесторонний анализ впервые опубликованных есенинских писем хотя бы потому, что он мне не по силам. Другое дело – немного необходимых сведений о дружбе Есенина и Ширяевца.

Александр Васильевич Абрамов выбрал своим псевдонимом «Ширяевец» потому, что его детство прошло в селе Ширяево Симбирской губернии, где он родился в 1887 году. Между прочим, мать Ширяевца, Мария Ермолаевна, – уроженка Сенгиля. Так что своим земляком мы его называем без всякой натяжки. Церковно-приходская школа, чернорабочий, писец, участие в революции 1905 года и переезд-ссылка в Туркестан, где он провёл долгих 17 лет – вот они, вехи его нелёгкой жизни... Его спасли стихи, которые он стал публиковать с 1908 года; животворная связь с русскими литераторами; многолетняя переписка с Есениным, начавшаяся с 1915 года (встретиться им довелось только шесть лет спустя – в мае 1921 года Сергей Александрович наконец смог приехать под «бирюзовое небо» Ташкента).

Дружба их, конечно, не была случайностью. И только внешне она служила подтверждением пословицы: «Противоположности сходятся».

«Никто так не привлекал к себе Есенина, как этот скупоречивый, вдумчивый, широкоплечий увалень – парень в картузе и огромных яловичных сапогах... С первой же встречи с Ширяевцем я убедился, что между Есениным и Ширяевцем есть взаимно влекущая друг к другу сила». (Семён Фомин. Ширяевец и Есенин. «Красная нива», 1926 год, №22, стр. 21).

Эта глубинная притягательная сила прослеживается не столько в схожести образных приёмов, ритмов и метафор, сколько в единстве почвенной основы (оба – выходцы из недр народных), в любви к родной природе, к России, в приемлемости великих революционных преобразований. Если литераторы Орешин и Иванов-Разумник (они упомянуты в знакомых нам письмах) впоследствии размежевались с Есениным, то дружба последнего с Ширяевцем осталась негасимой. Взаимовлечение, артезиански-неиссякаемая связь с приокскими и приволжскими просторами, восприимчивость к мятущемуся ветру века, дующему в паруса революции, – всё это роднило двух друзей-поэтов. Ширяевец писал в стихотворении 1905 года: